

Кармен взяла бедрами

Новосибирская опера на «Золотой маске»

Коммерсант. В. — 2003-9 апр. —
фестиваль опера С 24.

Список опер, номинирующихся на «Золотую маску», в Москве открыла «Кармен» из новосибирского Театра оперы и балета. ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ восприняла спектакль в Большом театре как выставку достижений провинциального оперного хозяйства.

В последний момент попал на «Маску», новосибирская «Кармен» вдруг оказалась чуть ли не равной среди равных. Слетев с конкурса, моцартовский спектакль Мариинки «Так поступают все» (единственный столичный и безусловно лучший во всей оперной программе «Маски») открыл дорогу провинциальной продукции. Ну а провинцию, сами понимаете, положено поощрять: все-таки национальная театральная премия.

Если покопаться, есть за что поощрить и новосибирскую «Кармен». Например, за французский язык, который с учетом ограниченности тамошнего контингента опероманов отдает прямо-таки революцией. Конечно, с поправкой на провинцию: все-таки первой редакции с разговорными диалогами (а она-то и принята сейчас во всех «Кармен» мира) побоялись. Можно поощрить и за актуализацию сюжета, доказанную черными франкистскими униформами гарнизона, где служит Хозе, и переносом значительной час-

ти действия в подземный каземат, сильно смахивающий на испанские застенки из кинофильма «Парень из нашего города».

При этом конкретного разговора о режиссуре Алексея Степанюка, хоть ты тресни, не получается. Выключенный какой-то режиссер, шаблонный. Ну заставил вертеть Карменситу (Юлия Герцева) бедрами, она и вертит ими три акта напраполю, а в четвертом, где дает решительный отказ Хозе, вдруг ходит прямая, словно костыль проглотила. Развитие образа? Про Хозе (Олег Видеман) вообще трудно что-либо сказать, кроме того, что очень уж невротичный: дыхания не хватает, верхние ноты цепляет как попало, даже знаменитую «Арию с цветком» поет, словно на работу опаздывает.

Как и чем закалывает Хозе свою Карменситу, большинству публики не ясно: в момент убийства внимание отвлекла массовка. Хорошо шла: дамы ритмически обмахивались белыми веерами, солдаты-франкисты, чекая шаг; на руках несли тореадора, чей марш, надсаживаясь, гремел оркестр (дирижер Сергей Калагин). А тут, глядь, на авансцене Карменситу-то уже замочили. А Тореадора-то уже за кулисы унесли. А Хозе ее, мертвую, обнимает. А уже занавес ползет. Конец.

Ввиду общеизвестности такого вот конца не знаю уж как публика, а я все время думала о действии закона сохранения материи: ничто никуда не исчезает. И правда ведь. Вот, например, в столичные оперы

Бедра новосибирской Карменситы бились, как у пташки крылья

ФОТО МИХАИЛА ГУТЕРМАНА

уже пришла более или менее сознательная концептуальная режиссура, пришла и просто хорошая режиссура, умело выстраивающая отношения со сложным музыкальным материалом. А куда деваться тем, кто вроде Алексея Степанюка набил руку на тривиальных «разводках»: герои поют, хор в это время сидит? Герои на авансцене влюбляются, а на заднем плане пара монашек, диагонально к ним — пара франкистов, а в самом дальнем углу солдат хватается сопротивляющуюся работницу табачной фабрики, которая перед этим целых три минуты и так жалась к нему.

Понятное дело, специалисты по «разводкам» разводят провинцию. Сделать это очень просто. Сперва смотришь все видеoverсии «Кармен» — кое-что отсюда прихватываешь. Потом все это гримируешь под Испанию времен генерала Франко. Потом находишь сценографа вроде Игоря Гринева, который рисует казематный задник, вешает тревожные хай-тековские абажурчики и придумывает пластмассового быка. Потом дело за светохудожником вроде Глеба Фильштинского, который грамотно заливает хабанеру неоновым военным прожектором, сегидилью — эротично-красным, арию простодушной Микаэлы — наивно-зеленым, а под конец включает все что можно. И готова квази-технологичная «Кармен», которую смотреть можно. Но слушать нельзя: очень уж плохо поют.